

ISSN 1728 - 5461

АБАЙ АТЫНДАГЫ ҚАЗАҚ ҰЛТТЫҚ ПЕДАГОГИКАЛЫҚ УНИВЕРСИТЕТІ
КАЗАХСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМЕНИ АБАЯ

ХАБАРШЫ ВЕСТНИК

“ТАРИХ ЖӘНЕ САЯСИ-ӘЛЕУМЕТТІК ҒЫЛЫМДАР” сериясы
серия “ИСТОРИЧЕСКИЕ И СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ НАУКИ”

АЛМАТЫ

1(56), 2018

<p style="text-align: center;">Бас редактор</p> <p style="text-align: center;">т.э.о. Е.К. КЕНЖЕБАЕВ</p> <p><i>Редакция ақысы:</i> т.э.о., проф. М.К. Конгелдинев (бас ред. орынбасары), т.э.к., доц. Р.Р. Оспанова, т.э.к., доц. Т.Т. Далаева, (жауапты хатшылар), т.э.д., проф. Х.М. Эбжанов, PhD, проф. Вирджиния Мартин (АҚШ), PhD, проф. Клаудиа Чанг (АҚШ), т.э.д., проф. Қара Әбдіуқап (Түркия), т.э.д., проф. О.Д. Осмонов (Қырғыз Республикасы), т.э.д., проф. В.М. Козьменко (Ресей Федерациясы), т.э.д., проф. К.Т. Жұмағұлов, проф. М.Майер (Германия), т.э.д., проф. К.Р. Несілбаева, т.э.д., проф. А.Б. Соколов (Ресей Федерациясы), т.э.д. Томохико Уяма (Жапония), т.э.д., проф. Т.Ходжаоглы (Түркия)</p> <p style="text-align: center;">© Абай атындағы Қазақ ұлттық педагогикалық университеті, 2018</p> <p style="text-align: center;">Қазақстан Республикасының мәдениет және ақпарат министрлігінде</p> <p style="text-align: center;">2009 жылы мамырдың 8-де тіркелген №10102 - Ж</p> <p style="text-align: center;">Басуга 25.04.2018 көл қойылды. Пішімі 60x84^{1/8}. Көлемі 51.00 е.б.т. Таралымы 300 дана. Тапсырыс №139.</p> <p style="text-align: center;">050010, Алматы қаласы, Достық даңғылы, 13. Абай атындағы ҚазҰПУ</p> <p style="text-align: center;">Абай атындағы Қазақ ұлттық педагогикалық университетінің «Ұлагат» баспасы</p>	<p style="text-align: right;">— жылдан 4 номир.</p> <p style="text-align: right;">еводи...</p> <p style="text-align: right;">— years.</p> <p style="text-align: right;">Педагогикалық секторных регионов Казахстана в 1950-1960-е годы</p>	<p style="text-align: right;">18</p> <p>Сайфулмаликова С.С. XVIII-XIX ғасырлардағы қазақ, қыргыз қоғамындағы батырлар. <i>Saifullmailkova S. S. Batyrs in the Kazakh, Kyrgyz society in the XVIII-XIX centuries.</i></p> <p style="text-align: right;">23</p> <p>Мажитова Ж.С., Омарова Б.К., Кабылтаева С.К. Институт барымты: судебно-процессуальная норма коллективной самопомощи казахов или узаконенный «грабеж». <i>Mazhitova Zh.S., Omarova B.K., Kabyltayeva S.K. Institute of barymta: judicial procedure of collective self-help of kazakhs or legalized «robbery».</i></p> <p style="text-align: right;">30</p> <p>Далаева Т.Т. Характер и эволюция социокультурной идентичности казахских должностных лиц XIX – нач. XX в.в. (по личным письмам и прошениям). <i>Dalayeva T. Character and evolution of socio-cultural identity of the kazakh officials of XIX –the beginning XX centuries (by personal letters and petitions).</i></p> <p style="text-align: right;">38</p> <p>Бимолданова А.А. Казахские волостные управители и практики имперского управления (по материалам Акмолинской области втор. пол. XIX в. – нач. XX в.). <i>Bimoldanova A. Kazakh volost rulers and practices of the imperial government (based on the materials of the akmola region of the second half XIXc. - beginning XX c.).</i></p> <p style="text-align: right;">43</p> <p>Жириндина К.Р. Шығыс Казакстанда ірі байларды тәркілеу және жер аудару. <i>Zhirindinova K.R. Confiscation and eviction of large bays in Eastern Kazakhstan.</i></p> <p style="text-align: right;">48</p> <p>Жангуттин Б.О., Бегасилова Ж.А. Закрытие мечетей и церквей в Казахстане как инструмент подавления религиозного инакомыслия в 1920–1930-е гг. <i>Ganguttin B.O., Begassilova Z.A. Closure of mosques and churches in Kazakhstan as a tool for suppressing religious dissent in the 1920s-1930s.</i></p> <p style="text-align: right;">52</p> <p>Нұрман Ш.Т. 1920-шы жылдардағы Қазақстандағы кеңестік қоныс аударудың кейбір мәселелері. <i>Nurman Sh. To the problem of soviet resettlement to Kazakhstan in the 1920th years.</i></p> <p style="text-align: right;">57</p> <p>Нурбекова Р.К. Аманжолов атындағы Шығыс Қазақстан мемлекеттік университетінің доценті, т.э.к. <i>Nurbekova R.K. Progress of work on health careand social security in the Eastern Kazakhstan region in the period from 30 the to 40 th yeras of the XX th century.</i></p>
--	--	---

Абай атындағы
Қазақ ұлттық педагогикалық
университеті

ХАБАРШЫ

«Тарих және саяси-әлеуметтік
ғылымдар» сериясы,
№1(56), 2018

Шығару жиілігі – жылына 4 нөмір.
2000 ж. бастап шығады

Бас редактор
т.е.д. Г.К. КЕНЖЕБАЕВ

Редакция алқасы:
т.е.д., проф. М.Қ. Қойгелдиев
(бас ред. орынбасары),
т.е.к., доц. Р.Р. Оспанова,
т.е.к., доц. Т.Т. Далаева,
(жауапты хатшылар),
т.е.д., проф. Х.М. Әбжанов,
PhD, проф. Вирджиния Мартин
(АҚШ),
PhD, проф. Клаудиа Чанг (АҚШ),
т.е.д., проф. Қара Әбдіуқап
(Түркия),
т.е.д., проф. О.Д. Осмонов
(Қырғыз Республикасы),
т.е.д., проф. В.М. Козьменко
(Ресей Федерациясы),
т.е.д., проф. К.Т. Жұмағұлов,
проф. М.Майер (Германия),
т.е.д., проф. К.Р. Несілбаева,
т.е.д., проф. А.Б. Соколов
(Ресей Федерациясы),
т.е.д. Томохико Уяма (Жапония),
т.е.д., проф. Т.Ходжаоглы (Түркия)

© Абай атындағы
Қазақ ұлттық педагогикалық
университеті, 2018

Қазақстан Республикасының
мәдениет және ақпарат
министрлігінде
2009 жылы мамырдың 8-де тіркелген
№10102 - Ж

Басыға 25.04.2018 қол қойылды.
Пішімі 60x84^{1/8}. Көлемі 51.00 е.б.т.
Таралымы 300 дана.
Тапсырыс №139.

050010, Алматы қаласы,
Достық даңғылы, 13.
Абай атындағы ҚазҰПУ

Абай атындағы Қазақ ұлттық
педагогикалық университетінің
«Ұлагат» баспасы

МАЗМҰНЫ СОДЕРЖАНИЕ CONTENT

ӘЛЕУМЕТТІК-ЭКОНОМИКАЛЫҚ ТАРИХ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ SOCIAL AND ECONOMIC HISTORY

Алпыспаева Г.А., Саяхимова Ш.Н. Повседневная жизнь первоцелинников северных регионов Казахстана в 1950-1960-е годы.....	11
Alpyspaeva G.A., Sayakhimova Sh.N. Daily life of first "tselina" residents of the northern regions of Kazakhstan during 1950-1960s years.....	
Сайфулмаликова С.С. XVIII-XIX ғасырлардағы қазақ, қыргыз қоғамындағы батырлар.....	18
Saifulmalikova S. S. Batyrs in the Kazakh, Kyrgyz society in the XVIII-XIX centuries.....	
Мажитова Ж.С., Омарова Б.К., Кабылтаева С.К. Институт барымты: судебно-процессуальная норма коллективной самопомощи казахов или узаконенный «грабеж»	23
Mazhitova Zh.S., Omarova B.K., Kabyltayeva S.K. Institute of barymta: judicial procedure of collective self-help of kazakhs or legalized «robbery».....	
Далаева Т.Т. Характер и эволюция социокультурной идентичности казахских должностных лиц XIX – нач. XX в.в. (по личным письмам и прошениям).....	30
Dalayeva T. Character and evolution of socio-cultural identity of the kazakh officials of XIX –the beginning XX centuries (by personal letters and petitions).....	
Бимолданова А.А. Казахские волостные управители и практики имперского управления (по материалам Акмолинской области втор. пол. XIX в. – нач. XX в.).....	38
Bimoldanova A. Kazakh volost rulers and practices of the imperial government (based on the materials of the akmola region of the second half XIXc. - beginning XX c.).....	
Жириндінова К.Р. Шығыс Казақстанда ірі байларды тәркілеу және жер аудару.....	43
Zhirindinova K.R. Confiscation and eviction of large bays in Eastern Kazakhstan.....	
Жангуттин Б.О., Бегасилова Ж.А. Закрытие мечетей и церквей в Казахстане как инструмент подавления религиозного инакомыслия в 1920–1930-е гг.	48
Gangutin B.O., Begassilova Z.A. Closure of mosques and churches in Kazakhstan as a tool for suppressing religious dissent in the 1920s-1930s.	
Нұрман Ш.Т. 1920-шы жылдардағы Қазақстандағы кеңестік қоныс аударудың кейбір мәселелері.....	52
Nurman Sh. To the problem of soviet resettlement to Kazakhstan in the 1920 th years.....	
Нурбекова Р.К. Аманжолов атындағы Шығыс Қазақстан мемлекеттік университетінің доценті, т.е.к.	57
Nurbekova R.K. Progress of work on health care and social security in the Eastern Kazakhstan region in the period from 30 the to 40 th yeras of the XX th century.....	

5. Гавердовский Я.П. Обозрение Киргиз-кайсакской степи (часть 2-я) или Описание страны и народа киргиз-кайсакского // История Казахстана в русских источниках XVI-XX веков / Сост.: И.В. Ерофеева, Б.Т. Жанаев: Ин-т истории и этнологии им. Ч.Ч. Валиханова Министерства образования и науки РК. Т. V: Первые историко-этнографические описания казахских земель. Первая половина XIX века. – Алматы: Дайк-пресс, 2007. – 625 с.
6. Левшин А.И. Левшин А.И. Образ управления и законы [казахов] // Описание Киргиз-казачьих или Киргиз-кайсакских орд и степей. Ч. 3. Этнографические известия. – СПб.: Tip. Карла Края, 1832. – С. 154-186.
7. Аитов. О киргизских обычаях, имеющих в степи силу закона // Материалы по казахскому обычному праву: Сб. Научно-популярное издание / Сост. Т.М. Культеев, М.Г. Масевич, Г.Б. Шакаев. – Алматы: Жалын, 1998. – С. 96-107.
8. Специалист по обычному праву В.О. Бобровников подчеркнул, что «в мире не существует неизменных правовых систем». См.: Бобровников В.О. Мусульмане северного Кавказа: Обычай, право, насилие. – М., 2002. – С. 109. Под влиянием российской правовой системы некоторые нормы адата трансформировались, поменяв в определенной степени форму и содержание.
9. РГВИА. – Ф. 400. – Оп. 1. – Д. 4896. – Л. 2-2об.
10. ЦГА РК. – Ф. 345. – Оп. 1. – Д. 1608. – Л. 1-43.
11. ЦГА РК. – Ф. 1380. – Оп. 1. – Д. 27. – Л. 1-46.
12. ЦГА РК. – Ф. 1380. – Оп. 2. – Д. 12. – Л. 72-74 об.
13. Мажистова Ж.С. Институт биев: подходы и интерпретации в российской и казахстанской историографии. Монография. – М.: «КДУ», «Университетская книга», 2015. – 352 с.

ГРНТИ 03.20

УДК 94(574)

Т.Т. Даляева¹

¹к.и.н., доцент кафедры истории Казахстана им.ак. Т.С. Садыкова
Казахского национального педагогического университета имени Абая,

Республика Казахстан, г. Алматы

E-mail: tenliktd@mail.ru

ХАРАКТЕР И ЭВОЛЮЦИЯ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ КАЗАХСКИХ ДОЛЖНОСТНЫХ ЛИЦ XIX-НАЧ. XX В.В. (ПО ЛИЧНЫМ ПИСЬМАМ И ПРОШЕНИЯМ)

Аннотация

Статья посвящена изучению текстов личных писем и прошений казахских должностных лиц XIX- начала XX вв., которые представляют интерес для исследования формирования гибридной по характеру идентичности нового социального слоя. С одной стороны, очевидно, что казахи, исполнявшие властные функции на уровне внешних округов (до 1868 г.), волостей и аулов, вследствие кочевого характера повседневной жизни казахов смогли сохранить в своих руках управление на местах, тем самым в политическом отношении были мало контролируемы со стороны российской администрации. С другой стороны, в этих письмах и прошениях были использованы сведения, характеризующие изменения социокультурной идентичности казахских должностных лиц, демонстрирующих принятие российских юридических и культурных норм.

Тексты их писем и прошений позволяют исследователю проанализировать каким образом и через принятие каких социокультурных норм Российской империи происходила эволюция социокультурной идентичности казахских должностных лиц.

Ключевые слова: социокультурная идентичность, казахские должностные лица, прошения, XIX-нач. XX в.в., местное управление, делопроизводство.

Т.Т. Даляева¹

¹т.г.к., академик Т.С.Садықов атындағы Қазақстан тарихы кафедрасының доценті
Абай атындағы ҚазҰПУ, Алматы қаласы, Казахстан
E-mail: tenliktd@mail.ru

XIX-XX F. ҚАЗАҚТЫҢ ЛАУАЗЫМДЫ ТҮЛҒАЛАРЫНЫң ӘЛЕУМЕТТІК-МӘДЕНИ БІРЕГЕЙЛІГІНІҢ ЭВОЛОЦИЯСЫ МЕН СИПАТЫ (ЖЕКЕЛЕГЕН ХАТТАР МЕН ШАҒЫМДАР БОЙЫНША)

Аннотация

XIX-XX ғ. Басында жаңа әлеуметтік жік бірегейлігінің калыптасуын зерттеуде маңызды болып табылатын лауазымдық қызмет аткарған қазақтардың етініштері мен жеке хаттарының мәтіндеріне ғылыми талдау беруге

бағыттаудан. Біріншіден, сыртқы диуандар (1869 ж. дейін), болыстықтар мен ауылдар деңгейінде билік қызметтерін атқарған қазактардың жергілікті халықтың қунделікті тұрмысындағы көшпелілік сипатты негізінде өз колдарында сақтаған калуға мүмкіндіктерінің болуы империялық әкімшілік бакылауы әлсіз орнауының бірден-бір себебі еді. Екіншіден, қарастырып отырған өтініштер мен хаттарда ресейлік заң және мәдени нормаларын кабылдануы жайлар айқын көрініс беретін, әкімшілік қызметтерді аткарушы қазактардың әлеуметтік мәдени бірегейліктерінің өзгеруін сипаттайтын мәліметтердің болуы мәселені зерттеуде ғылыми қызығушылық арттырады.

Кітт сөздер: әлеуметтік мәдени бірегейлік, лауазым аткарушы қазактар, өтініштер, XIX-XX ғ. бас кезі, жергілікті билік, іс-қағаз.

DalayevaTenlik¹

¹Candidate of Historical Sciences, Associate professor of KazNPU named after Abai,

Republic Kazakhstan, Almaty.

E-mail: tenliktd@mail.ru

CHARACTER AND EVOLUTION OF SOCIO-CULTURAL IDENTITY OF THE KAZAKH OFFICIALS OF XIX -THE BEGINNING XX CENTURIES (BY PERSONAL LETTERS AND PETITIONS)

Abstract

The article is devoted to the study of the texts of personal letters and petitions of Kazakh officials of the nineteenth and early twentieth centuries, which present the interest for studying the formation of a hybrid social identity by the nature of the new social stratum. On the one hand, it is obvious that the Kazakhs who performed power functions at the level of the outer okrugs(until 1868), volosts and auls, because of the nomadic nature of the daily life of the Kazakhs, managed to retain control in their own hands, thus, in political terms, were little controlled on the part of the Russian administration. On the other hand, these letters and petitions used information characterizing changes in the socio-cultural identity of Kazakh officials demonstrating the adoption of Russian legal and cultural norms.

The texts of their letters and petitions allow the researcher to analyze how the evolution of the sociocultural identity of Kazakh officials has occurred and through the adoption of what sociocultural norms of the Russian empire it was.

Key words:sociocultural identity, Kazakh officials, petitions, XIX-beg. XXcentury, localadministration, officework.

Традиции внешнего оформления и внутреннего содержания документов формируются в зависимости от исторической эпохи и культурных норм народов, участвующих в процессе их создания. На территории казахов Среднего жуза в XIX в. постепенно складывается порядок прохождения документов, их разновидности и нормы организации делопроизводства в период организации внешних окружных приказов и волостной системы по Уставу 1822 г., затем происходит введение единых норм документооборота после реформ 1868 и 1891 гг.

Значительный массив документации аппарата управления во внешних округах сибирского ведомства, затем в уездных и областных органах управления составляли документы переписки. Докладные записки, рапорты и прошения относятся к документам, которые шли снизу вверх: от волостных управителей, султанов, биев и старшин в Пограничное управление сибирских казахов, пограничному начальнику сибирских казахов, военному губернатору области. Данные документы содержали сведения об общем состоянии дел или о частных проблемах, возникающих на местах. Предписания, виды, запросы, отправляемые сверху вниз, имели распорядительный характер и были обязательны к исполнению.

К числу распространенных письменных документов, поступавших от подведомственного населения, аульных старшин и волостных управителей, а также самих российских чиновников и служащих местного аппарата управления в вышестоящие инстанции, следует отнести прошения и письма. Данные документы имеют двойственный характер: с одной стороны, они отражают личностное отношение авторов к причинам, побудившим обратиться к официальным органам власти; с другой стороны, оформлены в соответствии с требованиями действующего делопроизводства и имеют определенную структуру. В целом, эти документы имеют личное происхождение, что позволяет использовать их для анализа и выявления характеристик идентичности авторов. Анализ писем и прошений позволяет проследить характер изменений в идентификации казахских должностных лиц, поступивших на службу Российской империи и принявших новые для них социокультурные нормы жизни. Как считает социолог Симонова О.А.: «В идентичности интегрируются приобретенный на данный момент социальный опыт индивида, результаты разнообразных процессов идентификации, происходящих в ходе социальных взаимодействий индивида на разных социальных сценах» [1, с. 58.]. Поскольку идентичность имеет многомерный

характер, то можно говорить о совмещении разных по содержанию политической и социокультурной идентичности у казахских должностных лиц XIX– нач. XX вв.

Обращаясь к истории письменных документов, следует отметить, что традиции письменной переписки в казахской кочевой среде получили, в основном, для развития дипломатических связей ханов и султанов в средневековье и новое время. Исследователи обращались к данным документам для характеристики политической истории Казахского ханства. Часть писем казахских ханов и султанов были опубликованы в сборниках документах, отражающих их международные контакты. Расширение методологического инструментария и междисциплинарных подходов к изучению прошлого позволило по-новому взглянуть на письма казахских ханов и султанов. Публикацией писем в двухтомном издании «Эпистолярное наследие казахской правящей элиты 1675–1821 годов» [2] исследователем И.В. Ерофеевой в 2014 г. были введены в научный оборот оригинальные документы, относящиеся к 1675–1821 гг. Как отметил в своей рецензии Р.Ю. Почекаев: «Целью же «Эпистолярного наследия» стала, по словам составителя сборника И.В. Ерофеевой, попытка воссоздать «жизнь каждого хана и султана в егописьмах» [3, с.132].

Традиция письменного обращения со стороны казахских султанов к российской администрации была продолжена в период проведения первых административных реформ, в которых они выражали свое отношение либо через протест или признание вводимых новых юридических норм управления казахским населением, признавшим подданство Российской империи. Тогда же получили распространение обращения и от казахских биев и старшин, которым была предоставлена возможность занимать должности в местном аппарате управления. Часть таких документов состояла из коллективных приговоров о выборе на должности волостного управителя или старшего султана, некоторые документы были оформлены в виде прошений об утверждении осуществленного выбора на местах в организуемых по реформе 1822 г. волостях и внешних округах сибирского ведомства. Примеры подобных прошений можно найти в сборнике документов «Материалы по истории политического строя Казахстана» (1960 г.) [4, с.122, 129, 137.]. Приводимые в данном сборнике прошения были опубликованы в контексте характеристики политических изменений, произошедших в ходе осуществления административных реформ 1822–1824 гг.

Публикация писем и обращений казахов к представителям российской администрации в сборнике документов и материалов под редакцией профессора Султаналиевой Г.С. «Казахские чиновники на службе Российской империи» [5, с. 191–201.] непосредственно касаются вопросов об определении на службу империи. В данном сборнике впервые были собраны архивные документы, и представлено системное изучение проблемы формирования казахского чиновничества. Письма и обращения по вопросам служебной деятельности казахов охватывают период со второй половины XIX- начало XX вв.

В конце XIX-начале XX вв. увеличилось обращение казахского населения, как напрямую, так и через доверенных лиц, к российской администрации по социально-экономическим вопросам, в частности, по проблемам землевладения и землепользования, распределения пастбищных угодий, изъятия земельных участков для Переселенческого управления министерства внутренних дел империи, в связи с ростом налогов и повинностей. Источниковая характеристика личных обращений казахов в плане их содержания и видов документов представлена в статье доцента Ермуханова Е.Н. [6].

Прожения от казахского населения к местной администрации в начале XX в. становятся определенной нормой. Об этом понимании смысла прошений можно встретить в произведении Абая:

«Интернатта оқып жүр

Талай қазақ баласы –

Жаңа өспірім, кокөрім,

Бейне қолдың саласы.

Балам закон білді деп,

Куанар ата-анасы,

Ойында жоқ олардың

Шаригатқа шаласы.

Орыс тілі, жазуы –

Білсем деген таласы.

Прошение жазуга,

Тырысар келсе шамасы.

Бінсансызға не керек

Істің ақ пен қарасы?

Нан таптаймыз демейді,

Бұлінсе елдің арасы.

Иждиňатсыз, минастыз

Табылmas ғылым саrasы...»[7, с. 29.]

Таким образом, письма и прошения от казахов XIX-начала XX вв. можно разделить на две группы: 1) от казахских должностных лиц по вопросам служебной деятельности и социального обеспечения; 2) от казахского населения по социально-экономическим вопросам и проблемам землепользования и налогообложения.

В данной статье будет предложен анализ содержания писем и прошений казахских должностных лиц с целью характеристики гибридной по характеру идентичности нового социального слоя. Большинство обращений казахских должностных лиц были оформлены в виде прошений и рапортов относительно вопросов управления и исполнения служебных обязанностей. Прошения могли содержать просьбы о продлении должностных полномочий аульного старшины, волостного управителя, об отстранении от выборов конкурирующих претендентов на должность волостного управителя, просьбы об отсрочке выплаты ясака в связи с джутом и бедственным положением казахского населения, просьбы прислать в округ толмача или письмоводителя. Например, Старший султан Каркаралинского внешнего округа Турсун Чингисов обратился к омскому областному начальнику С.Броневскому в июне 1826 г.: «...по каковому случаю, за нужное признаю сверх находящегося здесь ныне одного толмача умножить сколько можно оных, ибо состоящие при султанах письмоводители из татар, мало подают надежды в точном исполнении их обязанности. А некоторые, совершенно не заслуживают никакого доверия, не только какого-либо дела, но и в обычновенных случаях. Почему и прошу вашего высокоблагородия, по случаю нахождения ныне чиновников и толмачей при своих местах по возможности командировать в волости. Старший султан Турсун Чингисов» [8]. К этому времени прошло два года с момента открытия данного округа, были организованы первые волости, и стало очевидным необходимость присылки квалифицированных кадров для несения службы и оформления делопроизводственных документов в волостях Каркаралинского внешнего округа по нормам Российской империи. Так, волостной султан Исенбаевской волости Сартай Чингисов пишет прошение на имя и.д. пограничного начальника сибирских казахов, полковнику Ладыженскому М.В. в апреле 1839 г. об определении к нему письмоводителем казаха Габдулхаира Дербисалина. Примечательно, что в конце своего прошения он обращает внимание, что «ныне Окружный приказ намерен определить ко мне одного толмача и одного русского письмоводителя на что я не согласен, а просил определить к нам толмача русского, а письмоводителем из киргиз (казахов – Т.Д.)»[9]. Желание иметь письмоводителя-казаха Г. Дербисалина было связано с тем, что он ранее уже служил у султана С.Чингисова, следовательно, он ему доверял. Кроме того, можно говорить о стремлении видеть в должности письмоводителя этнического казаха для оформления письменной документации.

Необходимость определения письмоводителей к волостным управителям было связано с оформлением административного управления со стороны российских властей и постепенным признанием казахской аристократии новых норм взаимоотношений с российской местной администрацией. Казахи, в основной массе своей, предпочитали практику устных решений возникающих вопросов. Так, в 1831 г. в своей записке начальник штаба Отдельного сибирского корпуса, генерал-майор Г.Броневского, представленной генерал-губернатору Западной Сибири о положении в Среднем жузе, обращал внимание на следующее: «...2. Вашему высокопревосходительству известно, что простой, в полуодном почти состоянии находящийся народ киргизский чужд понятия о гражданских формах и притом так нетерпелив, что малейшую отсрочку в удовлетворении приносимой просьбы считает уже за отказ, за несправедливость. В приказах же наших гражданские чиновники посвятили себя канцелярским обрядам и тем тянут дела; притом принуждают подавать просьбы письменные. Толмачи и разные грамотные люди через сие сделали себе промысел, чем вводя в убытки дикаря-киргиза, обременяют и приказы заведением дел, тогда как разбирательство на словах, по степному обыкновению, скоро и решительно освобождало бы приказ от нетерпеливого просителя, а сего-от скуки по своем ауле. 3. Вместо того, чтобы чиновникам приказов предаваться деятельности, посещать часто кочевья, принимать искреннее участие в ограждении киргиз от обид их неприятелей и тем в пользу нового в степи устройства сближаться с ними и выигрывать доверенность, они отличаются медлительностью, и такие же медленные разрешения получают от областного начальства; подсудимых же томят под стражей по целому году, вопреки характеристике киргиз; ибо чем скорее виновный получает возмездие по законам, тем это более делает впечатление на

них и прочих. Но чиновники наши хладнокровно тянут дела не в приласканье, а в раздражение народа. Посему, для пользы общей, я бы полагал: приказам повелеть действовать словесным судом, кроме главных преступлений, указанных в уставе; от подачи письменных просьб киргиз освободить, а словесные просьбы их записывать в книгу и, вызывая ответчиков, или командирируя чиновника в аулы, решать, по степным обычаям, через биев и присягу по их выбору, как это обыкновенно водилось, в особенности по делам, до браков касающимся, чтобы приказы не вмешивались и предоставляли биям и набожным киргизам (но и не татарам и муллам) на суд по степному обычью, а не по магометанскому алкорану...» [10]. Усиление позиций Российской империи в степном пространстве, создание внешних округов и организация волостной системы управления, кооптация казахов на службу в состав местных органов власти способствовало принятию социокультурных норм имперского делопроизводства.

В период восстания под руководством Кенесары Касымова происходит противостояние не только российской власти, но столкновение интересов казахов из волостей, принявших новый порядок управления по Уставу 1822 г. В прошениях от местных управителей казахских родов отражены их позиция по отношению к российской власти, признание за ними права на сбор ясака, неприятие повстанцев, их отрицательные характеристики. Так, в прошении султанов Самая Чингисова, Аймеке Джаныбекова, Досана Рустемова и волостных управителей старшин Маженя Мурзагулова, Айдерне Чокатова и Тленчи Байтюбетева Учбулакского округа в Пограничное управление сибирских казахов от 20 февраля 1839 г. можно проследить произошедшие качественные изменения внутри казахского общества: «...мы испытали дерзкие нашествия мятежника султана Кенесары, следствием коего были потеря из наших волостей более семи тысяч лошадей и когда нарушено даже было права на имущество наши, которое подвергнулось разграблению шайке из его разбойников, мы, вообще киргизцы (казахи – Т.Д.) из Учбулакского округа, некоторым образом приведены теперь в ощущительное расстройство так, что кто в состоянии был и без обременения мог положенный с 1838 года ясак оплачивать, теперь он же или ему подведомственные киргизцы много или мало, лишась своей собственности, решительно приведены в невозможность исполнять требования определенной подати. Мы, облеченные в доверенность от всех нашего округа волостных управителей, вникнув со вниманием в расстроенное положение нашего народа принимаем смелость довести об этом до сведения пограничного управления, как непосредственно определенного над нами правительства места и покорнейше просим употребить где и как следует свое представительство об отсрочке, по примеру, прочих внешних округов, положенного с 1838 по 1840 год ясака, по крайней мере еще на два или три года, и между тем взысканный уже с одной нашей Курсары-Киреевской волости за 1838 год ясак разрешить почислить в засчет будущего сбора 1839 года, а потом исходатайствовать разрешение о поверке в нашем округе народонаселения и скота, потому, что произведенное на предстоящее трехлетие изменение весьма неправильно ибо по доставленным в волости сведениям показано народа слишком много и скота у других количества слишком увеличено, а у иных очень мало» [11]. Очевидно, что это прошение написано должностными лицами с целью получить отсрочку по уплате налогов, при этом в политическом отношении они себя противопоставляют султану Кенесары Касымову, выступившего против колониальной политики Российской империи.

Ряд прошений казахских должностных лиц были связаны со стремлением их выполнять властные функции в полном объеме в пределах своих компетенций, с желанием закрепить за собой должность управителя по нормам российской имперской власти уже в первой половине XIX в. Часто, в качестве основных аргументов приводятся сведения о наличии у претендентов российских военных чинов, а уже на втором плане их знание особенностей жизни казахского населения. Прошения второй половины XIX-нач. XX вв. показывают, что среди казахов уже есть новое поколение, представители которого признают легитимность полномочий российской администрации по утверждению состава и полномочий местного аппарата власти на уровне волости и аулов.

Уже в начальный период оформления внешних округов при выборах, например, в Баян-Аульском внешнем округе на должность Старшего султана весной 1836 г. казахи используют в качестве решающего довода-наличие военного чина у предложенного выборными лицами избранника. После смерти бия Шона Едигина, первого Старшего султана, фактически состоялись выборы повторно (первые выборы организованы в марте), так как баянульские султаны, бии, старшины и волостные управители не были согласны с той кандидатурой, которую предполагали утвердить через поддержку российского заседателя. Поэтому собравшись 12 апреля, выборщиками было отмечено следующее: «Мы же... приехав в точно назначенное время, 12 апреля, в присутствии его снова произвели выборы, и все султаны, волостные управители, бии и старшины единогласно избрали на должность старшего султана бия Шормана Кучукова, который исправляет сейчас эту должность и является российским капитаном. Он наш

избранник, а кандидатом к нему мы избрали султана, надворного советника Али Кокшалова, потому что, хотя Шорман и не султанского происхождения, но он имеет чин российского капитана и пользуется уважением народа как первый бий, хорошо знающий дела киргизов и решающий их самым справедливым образом, а потому мы, низкоименованные, хотя и султанского происхождения, но уступаем Кучукову это звание из уважения к нему за его доброту и справедливость» [4, с. 168.]. Документ подписан 23 султанами, 4 волостными управителями, 2 биями, 12 старшинами.

В рапорте бия, волостного управителя Сиван-Киреевской волости Аман-Карагайского округа Джумана Кондубаева начальнику сибирских казахов, полковнику Н.Ф. Вишневскому в апреле 1842 г. содержится жалоба на незаконное его смещение с должности волостного управителя: «...Истемисов, от имени моего выпустил донесение ложное, единственно в пользу своего, но не получив по сие время на это никакого распоряжения, я вынужденным нахожусь донести об этом на благоусмотрение вашего высокоблагородия, покорнейше прошу, распорядится открыть виновных и поступить с ними по законам, при чем имею честь присовокупить, что я должность волостного управителя исправляю семь лет, которая возложена на меня после смерти отца моего старшины Кондубая Ним..чева, без всякого упущения в течении того времени, я исправляю возлагаемое на меня правительством поручения со всею исправностью» [12].

Встречаются случаи прямого давления старших султанов внешних окружных приказов на волостных управителей с целью передачи их должности другой кандидатуре. Так, в рапорте волостного управителя Атбасарского округа Джанайдара Урунбаева военному губернатору Области сибирских казахов генерал-майору фон-Фридрихсу в июне 1863 г. содержится просьба «уволить меня от должности управителя», далее Д. Урунбаев добавляет: «...При чем присовокупляю, что сам г. Сандубаев с заседателем Кичкенттаевым делает расстройство и недоброжелательствует мне, потому что в 1862 году, при выборе Старшего султана, я избирал на эту должность не его Сандубаева, а Чокана Чингисова, более же нет никаких за мной причин» [13].

Вместе с тем сами волостные управители способны высказывать протест против своеволия Старших султанов, аппелируя к вышестоящей администрации, признавая ее право на верховенство власти. Например, в прошении волостных управителей Каркаралинского внешнего округа пограничному начальнику сибирских казахов, генерал-майору Н. Ф. Вишневскому в феврале 1847 г. сказано: «Султан Дюсенбай-Чекчековской волости Турсун Чингисов, бывший прежде Старшим султаном Каркаралинского округа, не оправдал себя перед народом-богатых обирая и бедных притесняя, за что мы вынужденными нашлись избрать на место его другого Старшего султана. мы убедительно и всепокорнейшее просим ваше превосходительство предписать кому следует, чтоб Турсун Чингисов и родные братья его не распространяли нелепых слухов и оставались бы покойными» [14]. Прошение подписали 8 волостных управителей, из них два султана (Джангыр Чамин и Чалгинбай Биралин-представители противоборствующих султанских группировок), остальные волостные из «черной кости».

Вместе с прошениями о получении и утверждении в должности встречаются и документы, отражающие стремление местных казахских должностных лиц защитить интересы подведомственного населения. Недовольство осуществлявшимся постепенным вытеснением с зимних и летних кочевых мест в связи с возведением пикетов и селений на территории внешних округов выражалось и в прошениях, например, от султанов, волостных управителей, биев и старшин Кокчетавского внешнего округа его высокопревосходительству, генерал-адъютанту Н.Н. Анненкову в июле 1851 г.: «...наше начальство, учинив противное своему обещанию, водворило на наших зимовых и летних кочевых местах селения, до того и как мы еще до водворения этих новых селений, подали просьбу о стесненном положении земель ведомства Кокчетавского округа, и так, претерпевая таковое оскорбление, мы сделались уже не в состоянии иметь скотоводство, также во всяком месте учреждены пикеты, и как сии последние, так и жители селений, не допуская нас перекочевывать с одного места на другое, дальше прогоняют как от зимних, так от летних кочевых мест наших. В прошлом году, от высшего начальства, последовало в Окружный приказ предписание, коим велено, чтобы между округами и волостями учинить разграничение, тогда как мы со времени отцов и дедов наших, если кто из нас мало имел, или вовсе не имел как для зимней так равно летней кочевке мест, то дружелюбиво прося один у другого обоюдно и миролюбиво кочуя на оных прокормливали свой скот. Если будет учинено подобное разрешение земель, то мы, будучи не в состоянии кочевать с одного места на другое, остается неподвижно на одном месте пять шесть месяцев, тогда скот наш от бескорынцы и худобы прийдя в совершенное изнурение должен погибнуть о таковой печали и горести нашей мы даже опасались просить начальника нашего князя Горчакова, и потому обещание взимать ясак с нашего скота-то количеством, какое теперь платим, и

продолжать это до второго пришествия ни мало не увеличивая?»[15]. Этот документ был подготовлен за подписью 29 человек¹, среди которых было 4 султана без должности, 9 волостных управителей (из них 1 султан по происхождению), 6 старшин, 2 заседателя, 7 биев. Подобные обращения свидетельствовали о произошедших к середине XIX в. реальных изменениях в практиках землепользования и в повседневной жизни казахского населения.

Характер обращений казахских должностных лиц внешних округов к российской администрации от прошений по различным обстоятельствам до отправления официальных рапортов с целью оповещения о чем-либо, например, о состоянии кочевий вследствие неблагоприятных погодных условий и джута, показывает, что казахи восприняли формат делопроизводственной переписки империи к 60-м гг. XIX в. Так, в 1862 г. во внешних округах Области сибирских казахов случился джут. В связи с чем и поступили рапорты Старших султанов военному губернатору области. Так, в рапорте Старшего султана Кокчетавского округа, полковника Ч. Валиханова № 14 от 15 января 1862 г. сообщалось о заледености в кочевьях казахов подведомственного ему округа[5, с. 140.]; в докладной записке старшего султана Атбасарского округа Дженаева № 6 от 8 февраля 1862 г. уже говорилось о воспрещении кокчетавским казахам (из Кокчетавского округа) «отравлять чужие зимовки и делать притеснения» [16] казахам его округа, это уже были ответные меры со стороны Старшего султана соседнего округа; а в рапорте Каркаралинского старшего султана К. Таукина в июле 1862 г. № 22.-о раздаче беднейшим казахам джатакам в пособие денег до 200 руб. серебром» [17]. Казахи обращались к управлявшим во внешних округах Старшим султанам в связи с возникающими проблемами в практиках повседневной жизни, в ответ получая и конкретные решения. После административных реформ 1867-1868 гг. должность Старшего султана, как и сами управляемые ими внешние округа были упразднены. Волостные управители, аульные старшины и народные судьи (бии) в волостях становятся единственными посредниками между казахским населением и российской имперской администрацией.

В конце XIX-начале XX вв. содержание прошений больше касаются вопросов признания заслуг служебной деятельности, утверждения в должности волостного управителя или его кандидата. Интересно, что, если в первой половине XIX в. одним из важных оснований утверждения в должности волостного управителя был факт нахождения в этой должности отца, а затем и сына, то теперь в конце XIX-начале XX вв. в качестве аргументации приводятся факты получения официальных наград за службу, владение русским языком с подтверждением соответствующих свидетельств об обучении. Так, например, бывший волостной управитель Атбасарской волости, Атбасарского уезда, почетный казах Беркинбай Чорманов, обращаясь к губернатору Акмолинской области в июле 1891 г. в своем прошении перечисляет свои награды за 9 лет службы и просит: «Посему, чтобы иметь *отличие от прочих киргизов* (казахов-Т.Д.) *при моих заслугах*, я осмеливаюсь покорнейше просить ... разрешить мне носить шашку по образцу, какого разрешено носить Мейраму Джанайдарову» [18]. В прошении от семи выборных Еркесайской волости Акмолинского уезда аулов № 1, 2 и 3 обратились к акмолинскому генерал-губернатору в сентябре 1913 г.: «...просим оставить в будущее трехлетие управителем нашей волости Абдрахмана Койкомбекова, а за Искандера Калфемритова поручить произвести дознание и за обман наказать. Мы, выборные 7 человек, надеемся, что Абдрахман Койкомбеков, оправдает службу его императорского величества в полном смысле слова»[19]. Однако Еркесайский волостной управитель М.Искаков удостоверил, что Искандеру Калфемритову 27 лет (в то время как, по свидетельству этих выборных ему 17 лет) и «обучался в начальной школе на Успенском руднике два года и в городе Акмолинске у частных репетиторов один год, почему он умеет хорошо говорить, читать и писать по-русски»[19, л.44], поэтому возник спорный момент между участниками выборов на должность волостного управителя.

В следующем документе-прошении от претендента на должность кандидата при волостном управителе Еременской волости Акмолинского уезда Дюсембы Алимбетева в Акмолинский уездный съезд крестьянских начальников об утверждении в должности в декабре 1913 г. приводится в качестве определяющего свидетельства также факты о грамотности и знании русского языка: «...получивший 35 шаров Магзумов не знает русской разговорной речи, и кроме того не кибитковладелец-живет при родителях, Токум Айтжанов точно так же очень мало знает разговорную русскую речь, я же, Алимбетев, учился в сельско-хозяйственной школе при интернате и имею свидетельство об успехах в науках-каковое при сем прилагаю. Заявляю об этом, я почтительнейше прошу Акмолинский уездный съезд принять во внимание циркуляр г. Акмолинского губернатора от 11 апреля 1911 года за № 8239 и меня утвердить в

¹ Первым подписал это прошение султан Габайдулла Валиханов, вернувшийся из ссылки в 1847 г.

должности кандидата по управителю волости как имеющего преимущество против упомянутых выше лиц знанием русского языка и русской грамоты» [20].

Прошения и докладные от казахских должностных лиц, Старших султанов внешних округов, волостных управителей, кандидатов к ним, волостных выборных, аульных старшин свидетельствуют о том, что казахи с самого начала оформления имперского административного аппарата управления после реформ 1822-1824 гг. использовали этот инструмент воздействия на вышестоящие инстанции, принимали нормы их написания, к концу XIX-в начале XX вв. посредством подобных обращений стремились решать вопросы утверждения в должности, с целью сохранения реального контроля на местах, в волостях и аулах, в своих руках. В личных и должностных печатях уже в 1830-1840-е гг. наряду с арабской графикой для написания имени и должности владельца стали использовать кириллицу. В начале XX в. в бюллетировочных листах уже встречаются подписи некоторых волостных управителей и волостных выборных на русском языке, хотя все таки значительный процент участников выборов используют для обозначения подписи знак родовой тамги и несколько реже арабскую графику. Принимая социокультурные нормы служебной деятельности в Российской империи в том объеме, в каком казахские должностные лица могли использовать для осуществления властных полномочий на местном уровне, вместе с тем они сохраняли солидарную с подведомственным населением идентичность, чтобы иметь реальные инструменты для управления и контроля.

Список использованной литературы:

1. Симонова О.А. К формированию социологии идентичности // Социологический журнал. – 2008. – № 3. – с. 45-61.
2. «Эпистолярное наследие казахской правящей элиты 1675–1821 годов / Введ., биогр., коммент., сост. и ред. И.В. Ерофеевой. Т. I. Письма казахских правителей. 1675–1780 гг.-696 с.; т. II. Письма казахских правителей. 1738–1821 гг. – 1032 с.-Алматы: АО «АБДИ Компани», 2014.
3. Почекаев Р.Ю. Рецензия на «Эпистолярное наследие казахской правящей элиты 1675–1821 годов / Введ., биогр., коммент., сост. и ред. И.В. Ерофеевой. Т. I. Письма казахских правителей. 1675–1780 гг.-696 с.; т. II. Письма казахских правителей. 1738–1821 гг.-1032 с. – Алматы: АО «АБДИ Компани», 2014. // Письменные памятники Востока.-2016. – № 1 (24). – 131-135 с.
4. Материалы по истории политического строя Казахстана. Т.1. Алма-Ата: Издательство АН КазССР, 1960. – 441 с.
5. Казахские чиновники на службе Российской империи: сборник документов и материалов / отв. ред. Г.С. Султаналиева, сост. Г.С. Султаналиева, Т.Т. Даляева, С.К. Удербаева. – Алматы: Қазақ универ-ситеті, 2014.-418 с.
6. Ермұқанов Е. Н. Қазақтың шағымдары мен отініштері тарихи дерек ретінде (XX ғасыр басы) // Қазақтары. -2017.-№ 9 (156). – Карапаша. – С.25- 26.
7. Абай. Қалың елім қазағым...Әлендер. – Алматы: Атамұра, 2002. – 224 б.
8. ЦГА РК. Ф. И-338. Оп. 1. Д. 458. Л. 1-2.
9. ЦГА РК. Ф. И-374. Оп.1. Д. 364. Л.2- 2об.
10. Док. № 156. // Казахско-русские отношения в XVIII-XIX веках (1771-1867 годы). Сборник документов и материалов. Ч.2. Алма-Ата: издательство «Наука», 1964. // http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/M_Asiyen/XVIII/1760-1780/Kazach_rus_17_18/141-160/156.htm (дата обращения – 10 октября 2016 г.)
11. ЦГА РК. Ф. И-374. Оп.1. Д. 187. Л. 58-59 об.
12. ЦГА РК. Ф. И-374. Оп.1. Д. 1145. Л. 9- 10 об.
13. ЦГА РК. Ф. И-345. Оп.1. Д. 831. Л. 1-1 об.
14. ЦГА РК. Ф. И-374. Оп.1.Д. 1919. Л. 1.
15. ЦГА РК. Ф. И-374. Оп.1. Д. 5232. Л. 2-5.
16. ЦГА РК. Ф. И-345. Оп.1. Д. 761. Л. 65.
17. ЦГА РК. Ф. И-345. Оп.1. Д. 761. Л. 248.
18. ЦГА РК. Ф. И-369. Оп.1. Д. 2212. Л. 87.
19. ЦГА РК. Ф. И-369. Оп.1. Д. 9316. Л. 49-51 об.
20. ЦГА РК. Ф. И-369. Оп.1. Д.9317. Л. 80-80 об.